

К 100-летию РСДРП

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РОССИЙСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ**

Российский независимый
институт социальных
и национальных проблем

Московское представительство
Фонда имени
Фридриха Эберта

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

К 100-летию РСДРП

Материалы российско-германского
двустороннего симпозиума 5—7 марта 1998 г.

Москва
1998

№ 2002-345 / 4

ББК 66.62
И 90

Редакционная коллегия:

М.К. Горшков, В.В. Журавлев, В.Н. Колодежный,
Г.Н. Шаншиев, В.В. Шелохаев.

И 90 Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. (К 100-летию РСДРП).
Материалы российско-германского двустороннего симпозиума 5—7 марта 1998 г. — М.: РНИСиНП, 1998. — 256 с.

ISBN 5-89540-011-6

Настоящий сборник подготовлен на основе материалов российско-германского двустороннего симпозиума "Исторический опыт взаимодействия российской и германской социал-демократии. (К 100-летию РСДРП)", состоявшегося 5—7 марта 1998 г. по инициативе Российского независимого института социальных и национальных проблем, Отделения истории РАН, Московского представительства Фонда им. Ф. Эберта (ФРГ) и Исторической комиссии при Правлении СДПГ.

В книгу включены доклады и выступления участников симпозиума, посвященные истории контактов и взаимовлияния двух национальных социал-демократий, показанной на широком фоне европейского демократического рабочего движения конца XIX — начала XX вв. Прослеживаются исторические судьбы двух социал-демократических партий на протяжении XX в. во всей их сложности и драматизме. Анализ опыта взаимодействия РСДРП и СДПГ выводит участников симпозиума на проблему современной европейской социал-демократии, стоящей на пороге и перед вызовами XXI века.

ISBN 5-89540-011-6

© РНИСиНП, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М.К. Горшков</i> Вступительное слово	5
<i>Бернд Фауленбах</i> Вступительное слово	8
<i>В.В. Шелохаев</i> Альтернативы общественного развития России и Германии в конце XIX — начале XX вв. и их отражение в деятельности РСДРП и СДПГ	10
<i>Хельга Гребинг</i> Демократическое рабочее движение в Европе в конце XIX — начале XX вв. (формирование организаций, поля деятельности, перспективы)	17
<i>А.А. Кулаков</i> Вопросы зарождения российской социал-демократии в советской литературе	26
<i>М.И. Смирнова</i> Историографические аспекты возникновения российской социал-демократии (современные тенденции и традиции прошлого)	35
<i>С.В. Тютюкин</i> Современная отечественная историография РСДРП (дооктябрьский период)	46
<i>В.В. Зверев</i> Народничество и марксизм. Проблема актуализации доктрины (некоторые аспекты взаимоотношений народничества и немецкой социал-демократии)	58
<i>Н.В. Блинов</i> Влияние германской социал-демократии на формирование РСДРП (80—90-е гг. XIX в.)	66
<i>О.В. Волобуев</i> Начало формирования марксистских политико-социологических моделей Первой российской революции	72
<i>А.А. Танин-Львов</i> РСДРП, национальная социал-демократия и национальный вопрос	80
<i>Е.Л. Петренко, А.А. Чернобаев</i> Г.В. Плеханов и германская социал-демократия	95
<i>С.В. Устинкин</i> Некоторые аспекты участия меньшевиков в Гражданской войне	108

<i>А.П. Ненароков</i>	Контакты российских меньшевиков с германскими социал-демократами в годы Гражданской войны в России	116
<i>Л.Г. Протасов</i>	Учредительные собрания в России и Германии: взаимодействие идей и практика национальных социал-демократий.....	122
<i>И.Х. Урилов</i>	Новое о Мартове и изучении истории меньшевизма (заметки историка)	131
<i>Я.С. Драбкин</i>	Левые в германской и российской социал-демократии.....	149
<i>И.С. Яжборовская</i>	Верификация исторического опыта левых сил и его актуализация	157
<i>Э.Е. Писаренко</i>	Семья отечественных радикалов в контексте связей российской и германской социал-демократии (по материалам архивов братьев Цюрупа).....	164
<i>Ули Шёлер</i>	“Демократическая ликвидация большевистской диктатуры” (Заграничная делегация российской социал-демократии в берлинской эмиграции).....	172
<i>Бернд Фауленбах</i>	Роль теорий тоталитаризма и социал-фашизма в отношениях между социал-демократами и коммунистами в 20-е и начале 30-х гг.	185
<i>Сюзанна Миллер</i>	Вилли Айхлер и Годесбергская программа	197
<i>Хайнц Тиммерманн</i>	Принудительное объединение КПГ и СДПГ на Востоке Германии.....	201
<i>М.П. Мчедлов</i>	Интерпретации марксизма и политическая культура	210
<i>Б.С. Орлов</i>	РСДРП в контексте политических культур	216
<i>В.В. Журавлев</i>	РСДРП и исторические судьбы социализма в России	223
<i>Йоханно Штрассер</i>	Вера в прогресс и солидарность (размышления об определении позиции социал-демократии)	232
	НАШИ АВТОРЫ	247
	ANNOTATION	249

*Е.Л. ПЕТРЕНКО
А.А. ЧЕРНОБАЕВ*

Г.В. ПЛЕХАНОВ И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Обращаясь к творчеству Г.В. Плеханова, традиционно задаются вопросом о его роли в истории, теории и практике российской социал-демократии. Но можно задуматься и над тем, какую роль играли (и сыграли ли) идеи Плеханова в истории европейской социал-демократии конца XIX — начала XX вв., что значила для самого Плеханова его деятельность на международной арене — деятельность публициста, политика, теоретика. В этом контексте новое значение приобретают факты, свидетельствующие о связях Плеханова с лидерами германской социал-демократии — А. Бебелем, В. Либкнехтом, К. Каутским.

В историю социал-демократической мысли имя Плеханова вошло как синоним “русской версии” ортодоксального марксизма. Закономерен вопрос, что представляет собой марксистская ортодоксия как теоретическая и практическая установка. Сам термин появился в литературе и вошел в оборот в 90-е гг. XIX в., в период полемики с ревизионизмом Э. Бернштейна. “Ортодоксами” называли себя те представители марксистского крыла европейской социал-демократии, кто не сомневался в том, что теория К. Маркса и Ф. Энгельса дает завершенное знание об обществе и путях его социалистической трансформации. “Ревизионистами” — те, кто видел несбыточность прогнозов Маркса и Энгельса о перспективах европейского социализма и требовал пересмотра теории, отказа от устаревших постулатов, создания обновленного варианта социалистической доктрины. Но дело в том, что в 70—80-е, да и в 90-е гг. XIX в. не существовало ещё ни целостного образа марксистской теории, ни гармоничного идеала социал-демократической практики. Процесс их формирования и самоидентификации шел в Европе, и позднее в России. Идеи Маркса и Энгельса, так называемый классический марксизм, служили источниками, стимулами к размышлению, а потому с необходимостью подлежали переосмыслению, реконструкции и с ортодоксальных, и с ревизионистских позиций. И если в социал-демократической партии Германии её марксистские лидеры (Бebel, Либкнехт, позднее Каутский, Люксембург) унаследовали

и заострили социально-политические, экономические составляющие воззрений Маркса и Энгельса о перспективах социалистической трансформации общества, то Плеханов систематизировал философско-теоретические их компоненты, создал свое видение ортодоксального марксизма — как цельной системы теоретических взглядов (в ином ракурсе эта задача решалась итальянцем А. Лабриолой).

В известном смысле Плеханов следовал логике Энгельса, пытаясь найти связующее звено между теорией и практикой, определить границы и возможности изменения политических и тактических задач в соответствии с требованиями момента, не отступая при этом от исходных постулатов материалистического учения об обществе и истории, которые были сформулированы Марксом и Энгельсом. Плеханов ощущал необходимость поиска более универсального принципа связи “мир—человек”, чем историческая и революционная практика, и вслед за Энгельсом обратился к диалектике как всеобщей теории развития окружающей действительности (природы, общества, человека, экономики, политики, форм духовного освоения мира). Выработав формулу “диалектический материализм”, Плеханов, по сути, создал прецедент для восприятия воззрений Маркса и Энгельса, будь то собственно философские составляющие или социально-политические позиции, как абсолютно истинных.

Осуществление философского проекта Маркса и Энгельса — самоосвобождение человека в процессе социалистической трансформации индустриального общества — рассматривалось Плехановым как главная задача социал-демократического движения в Европе и в России. Для её воплощения необходимо было следовать “букве” теории, выбирать оптимально обстоятельства, место и время. Наша программа, говорил Плеханов, есть синтез. “Она охватывает все, но не эклектически, а выходя из одного принципа. Она стройное целое”¹. Философия Плеханова — это философия социализма как необходимой цели человеческой истории и пролетарской революции как средства его достижения.

Все эти идеи мировоззренчески были созвучны менталитету европейской социал-демократии конца XIX — начала XX веков. Они выражали её убежденность в скором крахе капитализма, на смену которому закономерно придет социализм, в неизбежности пролетарской революции (завоевание пролетариатом господствующего положения в сфере производства и распределения), в великой исторической миссии пролетариата — просветить, объединить и освободить все остальные эксплуатируемые слои населения. Поэтому теоретические работы Плеханова высоко ценили А. Бебель, В. Либкнехт и К. Каутский (да и Бернштейн до начала крестового похода против него Плеханова), охотно предоставлявшие возможность публикации их на страницах

“Vorwärts”, “Sozialdemokrat”, “Die Neue Zeit”; они как бы предоставили Плеханову право стать “философским рупором” марксистской ортодоксии, показать глубину и фундированность ортодоксальных выводов Маркса и Энгельса.

Без сомнения, теоретические работы Плеханова во многом глубоки и интересны, уровень осмысления им марксистской проблематики часто превосходил работы академических ученых. Он — талантливый полемист и публицист. Всё это привлекало его немецких коллег. Но им не дано было увидеть причины жесткости, схематизма плехановского прочтения Маркса и Энгельса, заключающиеся в его “русском происхождении”. Для вышедшего из народничества Плеханова марксизм стал решением вопроса о трагедии субъективной революционной воли, идущей вразрез с действительностью; средством преодоления вечного для России спора между сознанием передовых людей и реальностью жизни, стремлениями, целями массы народа (об этом удивительно пронизательно пишет в своей работе М.А. Лифшиц². Допущение Плеханова, что пролетарская идеология есть развитие классовой психологии, позволяет придать сознанию теоретика социализма “характер оторванной от действительности самостоятельной силы, черты одиночества и возвышения над схваткой”³. Плеханов разрешил теории диктовать практике — эта установка, упав на благодатную почву восхищения мученическим ореолом революционеров-жертвенников, превратилась постепенно в формулу сознательного насилия над историей, допустимого как с точки зрения масс, так и с точки зрения её идеологов — вождей русской социал-демократии. Сам Плеханов, столкнувшись с воплощением такого рода волюнтаризма в молодой партии, ошибочно связывал такие настроения исключительно с анархическим (бакунистским) наследием в русской социал-демократии и “бонапартизмом” большевизма.

Причины успеха позиции Плеханова, признания её западноевропейской социал-демократией — в её антидетичности народничеству, которое традиционно со времен Маркса и Энгельса рассматривалось как анархизм. Вспоминаются известные строки письма Энгельса от 23 апреля 1885 г., адресованного Вере Засулич: “Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников... Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России”⁴.

Из неверия в народническую идеологию зарождается и закрепляется в воззрениях Плеханова неверие в революционный потенциал массы крестьянства (бывшего для Плеханова марги-

нальным слоем). Таким образом, ещё раз получает свое обоснование плехановская ориентация на революцию как осуществление теории под руководством вождей-теоретиков и идеологов — своеобразный вариант революции “сверху”, против которой всегда яростно выступал Плеханов. Формула отрицания народничества перешла в свою противоположность; разрыв с прошлым обернулся сохранением отвергнутых идей.

“Ортодоксальность” Плеханова проявилась не только в признании абсолютной истинности идей Маркса и Энгельса, но и в абсолютизации положения о единстве теории и практики марксизма, в восприятии многих абстрактных постулатов марксизма в качестве принципов практической деятельности и организационных задач социал-демократии. Это относится и к идее общего кризиса капитализма и неизбежности социализма, и к пониманию классовых антагонизмов как исключительно политических, и к формулам “диктатура пролетариата” и “пролетарская революция”.

Ещё один важный момент для понимания близости идей Плеханова идеям марксистского крыла германской социал-демократии начала века состоит в том, что до конца своей жизни он был “западником” в понимании перспектив социалистической трансформации России. Известно, что ни Маркс, ни Энгельс не рассматривали вопрос о социалистическом будущем России вне перспектив социалистических преобразований на Западе. При условии осуществления социалистической революции в Европе Россия могла реализовать свой социалистический потенциал, включая коллективистские формы жизнедеятельности крестьянской общины, — Маркс допускал такую возможность развития событий. Революция в России может послужить только сигналом к осуществлению европейской революции; социалистический потенциал России — крестьянская община — практически уничтожена процессами насаждения капитализма сверху, — делал вывод Энгельс. Он считал, что “революция *должна* разразиться в течение определенного времени; она *может* разразиться каждый день... Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию... и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить”⁵. Победивший европейский пролетариат должен был стать гарантом движения России по пути прогресса (индустриального) и демократии (политической).

Энгельс не высказывался однозначно о том, идет ли уже Россия по капиталистическому пути. Плеханов считал это свершившимся фактом. По его мнению, крестьянская община умерла, самодержавие сверху насаждает капитализм, дело — за развитием пролетариата, его политической культуры и самосознания. “Русские крестьяне представляют собой не класс, а сословие,

в рядах которого имеются как капиталисты, так и настоящие пролетарии. Последняя четверть века принесла такое разложение старого крестьянского хозяйства, что кажется просто пошлостью противопоставление России Западу как страны, где господствует крестьянское хозяйство... началась агония старых хозяйственных условий в России... Да, развивая политическое сознание русского рабочего класса, мы тем самым создаем освободительное движение величайшего значения; мы минируем политическую почву в России”⁶. Спасение России Плеханов видел в сближении с новейшим социалистическим движением Европы, и, следуя логике Энгельса, рассматривал падение русского абсолютизма как начало торжества международного революционного движения в Европе.

Плеханов — исключительная фигура в истории социал-демократии России. Заложив теоретические основы и политическое кредо российского социал-демократизма, создав образ и легенду “русской социал-демократии” (социалистическая революция в России победит как революция пролетариата), он так и не примкнул окончательно ни к одной из партийных фракций и группировок. Для него слились воедино процесс познания мира и его изменения, теория и практика, наука и социализм.

Стремление преодолеть иллюзии российской самобытности — “синонима застоя и реакции” — главное в плехановской позиции, в его оценке всех трагедий, перипетий и коллизий в русской социал-демократии. Он считал величайшим заблуждением представление о принципиальном отличии задач русских социалистов от задач их западноевропейских коллег: окончательная цель одинакова для социалистов всех стран. Рациональное отношение к особенностям русского экономического строя возможно только при правильном понимании западноевропейского развития. “Правильное понимание” означает осознание разрыва, существующего между политическим опытом русского пролетариата, и уровнем революционного сознания западноевропейских рабочих. Своей основной задачей Плеханов считал задачу европеизации русского социализма, его приближение к традициям европейской марксистской ортодоксии. Он любил цитировать обращенные к нему слова В. Либкнехта на Парижском (1899 г.) конгрессе II Интернационала: “Я слушал Вас с большим удовольствием. Вы первый русский, не старающийся убедить нас, людей Запада, в том, что в России всё готово для революции. Со времен Бакунина я постоянно слышал, что там “всё готово” и удивлялся только тому, что революция все-таки заставляет себя так долго ждать”⁷.

Контакты с лидерами западноевропейской и, прежде всего, германской социал-демократии Плеханов рассматривал как способ проверки и правильности своих идей. Он писал В. Либк-

нехту 16 ноября 1892 г.: “Я горжусь теми строками Вашего письма, где Вы говорите, что смотрите на положение дел в России так же, как и мы... Единомыслие с германскими социал-демократами является для нас наиболее желанной вещью. Многие сначала ненавидели нас именно за наши симпатии к германской социалистической партии... Что могло быть горше, чем оставаться непризнанными нашими друзьями в Германии?”⁸.

Западноевропейская социал-демократия в 80—90-е годы XIX в. мало внимания уделяла вопросам теории. Раздавались возгласы удивления, когда Энгельс в последние годы своей жизни обращался к философской проблематике. В Германии К. Каутский ещё только начинал теоретическую деятельность, В. Либкнехт и А. Бебель вели парламентскую борьбу, руководили подпольной партией. Во Франции Ж. Гед занимался текущей политикой, П. Лафарг ещё не начинал своих систематических теоретических изысканий. И появление Плеханова, тонкого и точного интерпретатора идей Маркса, обрадовало Энгельса. После личного знакомства с Плехановым Бебель и Либкнехт (1889 г.), а также Бернштейн и Каутский оценили его полемику с народничеством, талант исследователя, верность социалистическим идеям Маркса. Бернштейн предложил Плеханову участвовать во II томе “Истории социализма” — написать материал о Франции и теоретическое введение; Элеонора Эвелинг перевела его работу “Анархизм и социализм” на английский язык, Регина Бернштейн — на немецкий; Каутский ждал от Плеханова брошюру об анархизме. Но все они воспринимали Плеханова как представителя интеллигентского кружка, не занимавшего заметного места в революционном движении; теоретические способности Плеханова ставили выше его организационно-политических успехов (в чем была доля истины — и немалая); именно с Плехановым-теоретиком советовались и спорили Бернштейн, Каутский, Бебель, Либкнехт.

Исходным для понимания роли Плеханова в теоретическом обосновании ортодоксального марксизма является его концепция социализма: социализм как цель — это полное отрицание капиталистического общества; социализм как движение есть приближение к этой цели. Из опыта народнического социализма Плеханов сделал следующие выводы: в борьбе за социализм интеллигенция бессильна; необходимо участие рабочего класса; организованной силе правительства необходимо противопоставить неорганизованную силу народа. Личность — то посредствующее звено, которое соединяет идеал и действительность, свободу разума и экономическую необходимость. Марксизм — это реалистическая социалистическая программа, стратегия и тактика которой заключается в развитии революционного сознания в трудящейся массе; цели социал-демократии: политичес-

кая свобода и пролетарская революция. Главная проблема российской социал-демократии — это проблема последовательного западничества в социалистическом движении. Все эти идеи выражали идеалы и стремления европейских ортодоксов, соответствовали их вере в неуклонное движение Европы к социализму, в универсальность средств борьбы за пролетарскую революцию. Они близки и главным аргументам в защиту идеи пролетарского социализма, высказанным Марксом и Энгельсом. Поэтому публикации теоретических работ Плеханова в социал-демократических изданиях Германии служили средством заполнения теоретических пробелов социал-демократического марксизма 80—90-х годов XIX века.

Выступление Бернштейна с программой пересмотра и исправления идей ортодоксального марксизма означало наступление нового этапа в эволюции социал-демократической теории. Это был первый шаг к созданию нового образа и теории социализма — свободного от власти догмы, авторитета, способного ответить на запросы сегодняшнего дня, восприимчивого и открытого многообразным культурным и духовным достижениям индустриализма. Парадоксальным образом именно установка на реализм и показалась Плеханову главным недостатком позиции Бернштейна. В письме П.Б. Аксельроду от 12 февраля 1899 г. Плеханов писал о статьях Бернштейна из серии “Проблемы социализма” (в частности, о статьях против Бельфора Бакса “Der Kampf der Sozialdemokratie und die Revolution der Gesellschaft”): “Я чуть не заболел от этих статей; всего досаднее, что Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать”⁹. (В своем ответном письме Аксельрод соглашается с оценкой Плеханова: “Я смотрю на статьи Бернштейна, как на одно из проявлений и логических или психологических последствий этого *map que de foi* [недостатка веры] в прогрессивное движение человечества, вернее, полного неверия в него”¹⁰).

Полемика Плеханова с Бернштейном — это не только выступление ортодокса, не терпящего сомнений в истинности исповедуемого им символа веры, но и стремление утвердить свои позиции теоретика. Плеханов не сразу принял решение “третировать Бернштейна... поход против него — дело, далеко ещё не вполне решенное. Что я с ним буду спорить, это дело решенное, но когда именно и по какому поводу, я ещё не знаю — подождем”¹¹. Однако такой момент наступил уже вскоре. Как видно из письма Плеханова Каутскому от 20 мая 1898 г., он сам предложил начать критику взглядов Бернштейна: его пугает то, что “если Бернштейн прав в своих критических попытках, то можно задать вопрос: что же останется от философских и социалистических воззрений наших учителей? Что останется от социализма?... Решительно ничего!”¹².

Аргументы Э. Бернштейна и К. Шмидта не поколебали веру Плеханова в непогрешимость своего прочтения и толкования марксизма; они дали ему повод систематически изложить свои воззрения. Он искренне не принял и позиции Каутского, считавшего, что Бернштейн поставил вопросы, задуматься над которыми требуют неотложные задачи социал-демократического движения. Формулу Каутского: "Будем благодарны Бернштейну за то, что он заставил нас думать!", Плеханов воспринял как оскорбление ортодоксального марксизма ("За что нам его благодарить?").

Период полемики с ревизионизмом — время наибольшей популярности и известности Плеханова в кругах германской социал-демократии. Об этом свидетельствует интенсивность переписки Плеханова с К. Каутским, В. Либкнехтом, А. Бебелем во время публикации в *"Die Neue Zeit"* его статей против Бернштейна*. Каутский согласился с предложением Плеханова начать полемику с Бернштейном, так как его смущали экономические и исторические воззрения последнего, из которых следовало "разложение законченной теории эмпиризмом и эклектизмом"¹³. Плеханов написал для *"Die Neue Zeit"* статью "Бернштейн и материализм", не согласившись ни на какое смягчение своих формулировок: "Я далек от любви к Бернштейну: это — враг, и если я люблю врагов, то не христианской любовью..."¹⁴. Каутский просит продолжить полемику с Бернштейном и К. Шмидтом, и Плеханов послал ему статью против Шмидта, предлагает написать большую статью о толковании Бернштейном марксистской концепции истины: "Если Вы хотите, чтобы я писал против Бернштейна, предоставьте мне полную свободу слова: Бернштейн должен быть уничтожен, и я возьму это на себя, если Вы позволите мне это сделать"¹⁵.

Полемика с Бернштейном рассматривалась Плехановым как защита философских идей Маркса и Энгельса, незнание которых, по его мнению, и порождало ревизионизм: "Вы говорите, что ваши читатели не интересуются философией... я думаю, что надо заставить их интересоваться ею; это наука наук". Философия для него — гарантия истинности социалистической стратегии. Он просит ничего не смягчать в статьях против Бернштейна и Шмидта: Шмидта "я ненавижу... как писателя и я не понимаю, почему я не имею права разругать этого господина, который смеет поносить наших учителей, не поняв ни одного слова в их философии"¹⁶.

* Письма К. Каутского, В. Либкнехта, А. Бебеля Плеханову и его ответы, практически полностью опубликованы в 20—30-х гг. в "Литературном наследии Г.В. Плеханова" (Сборники I; V), а также в сборниках "Группа "Освобождение труда". (Сб. 3) и "Воинствующий материалист". (Кн. 4).

Плеханов искренне рад, что его позиция в отношении ревизионизма была понята и оценена лидерами германской социал-демократии. “Я получил письма от Бебеля и Либкнехта. Бебель “горячо жмет руку” мне за статью против Шмидта, очень рад тому, что, как он видит теперь из моего письма Каутскому, я решил атаковать Шмидта и Бернштейна также и “auf oekonomischen Gebiet” (в области экономики) и очень хотел бы (“Wunschte sehr”), чтобы я продолжал против них свою полемику... Либкнехт пишет: “Continuez, tapez fort, tapez dur” (“Продолжайте, бейте сильно, бейте крепко”)¹⁷.

Несмотря на определенную дистанцию между Плехановым и Каутским в оценке многих общетеоретических (философских) проблем, до 1914 г. Плеханов (помимо Аксельрода) оставался для Каутского главным экспертом в русских делах. Каутский делится с ним своими сомнениями и соображениями о будущем русской революции. Так, в письме Плеханову 16 марта 1906 г. он пишет, что хочет поговорить о России: много ждет от двух месяцев [революции] — “вступят ли крестьяне в борьбу за землю или нет. Если дело не дойдет до такой борьбы, если крестьяне будут мирно взирать на то, что земля крупных землевладельцев продолжает обрабатываться ими как чужая земля, тогда вообще нечего больше ждать от аграрного движения, и тогда надо будет установить такую тактику, которая не рассчитывает в будущем ни на какую катастрофу. Городские рабочие одни не могут в ближайшее время вести никакой большой борьбы”¹⁸.

Каутского интересует мнение Плеханова о перспективах существования единой социал-демократической партии в России. 8 марта 1911 г. он обращается к Плеханову со словами: сообщения о русских делах меня и интересуют, и огорчают. “...Уверен в том, что фактические противоречия в русской социал-демократии не так глубоки, как в немецкой; в этом смысле я недавно писал Ленину. Я убежден, что действительные разногласия между Мартовым и Лениным не так велики, как между Бернштейном и мной, и что у Потресова и Луначарского больше общего, чем, например, у Кольба и Розы Люксембург. Разница в том, что наша партия достаточно велика, чтобы предоставить каждому поле действия и чтобы вести в одном направлении всех отдельных лиц, как бы они индивидуально ни расходились.

В русской социал-демократии отсутствует это воздействие массы, и поэтому личные трения здесь обостряются гораздо больше, хотя фактические расхождения меньше. К этому присоединяется озлобленность, вызванная неудачей... Наша партия

* Письмо В. Либкнехта к Г.В. Плеханову от 3 октября 1898 г., опубликовано в сборнике “Группа Освобождения труда”. Сб.3. С.256.

относится очень неодобрительно к русской социал-демократии за её распри.

...А от раскола никто не защищен. Я надеюсь, что движение в России скоро снова оживет, и бесспорно томящимся за границей силам, найдется применение. Под движением я разумею здесь не революцию. В скорое возобновление революции в России я не верю, разве если бы присоединились совершенно неожиданные обстоятельства... Важно найти такие формы, в которых при данных условиях могло бы существовать и развиваться пролетарское движение. Это настолько чисто практический вопрос, что следовало бы найти возможность обсуждать его без озлобления. А во фракционные разногласия я не хотел бы вмешиваться уже потому, что в каждой фракции у меня есть дорогие друзья, с которыми я фактически имею больше точек соприкосновения, чем со многими из моих немецких товарищей по партии"¹⁹. Это доверие объяснялось не только длительными контактами и сотрудничеством, но и близостью в понимании роли и функций социал-демократии в России — стать политической силой, способной сокрушить самодержавие и в перспективе повести страну от демократии к социализму.

Споры в русской социал-демократии Плеханов понимал как проблему выбора пути: пойдет ли партия по пути преждевременного насаждения и разжигания революции, или она будет следовать логике развития пролетарской революции, как её излагали Маркс и Энгельс, как её мыслила западноевропейская социал-демократия до начала Первой мировой войны (революционная ситуация вырастает из общего кризиса капитализма, охватывающего индустриальные страны Запада, и социал-демократия возглавляет борьбу пролетариата за власть). Сам Плеханов этот выбор сделал: нужно дискредитировать большевизм теоретически и осмыслить задачи партии.

Оппозиция большевизму стала одной из главных жизненных задач Плеханова. В разные периоды своей деятельности силы, способные противостоять Ленину и его соратникам, он видел то в меньшевизме, то в оборончестве, то в единстве всех демократических движений и партий России. Ни одна из них, по его мнению, не справилась с данной задачей в полной мере. Но всё же по общей направленности своих политических идей Плеханов был ближе к философии меньшевизма. Не случайно после поражения российской революции 1905—1907 гг. он ратовал за «собрание рассыпавшейся храмины меньшевизма в России... Нужно обратиться к меньшевикам в России, кликнуть клич между ними, и если бы нам удалось собрать хоть небольшую горсть их, мы должны дорожить этой горстью, которая положит начало будущему торжеству социал-демократических принципов над большевистским бакунизмом. Если мы не кликнем теперь клича

к практикам, если помиримся с существованием в виде простого литературного течения, то мы не исполним своей прямой и ясной обязанности”²⁰.

Идеал Плеханова: в каждой стране, “должна быть только одна социалистическая партия, подобно тому, как в каждой стране есть только один пролетариат. Мы, стоящие на точке зрения пролетариата, должны сделать все от нас зависящее, чтобы и у нас в России была только одна социал-демократическая партия, подобно тому, как есть в ней только один рабочий класс”²¹. В 1911 г. в письме к Каутскому Плеханов размышлял: “Различия во взглядах между Мартовым и Лениным не настолько велики, чтобы деятельность их в одной и той же партии была невозможна. Вы совершенно правы. Но наши расколы вызываются не различием во взглядах. Скорее можно сказать, что наши расколы порождают оттенки наших политических и тактических взглядов... Дисциплины совсем не существует в *партии* она существует исключительно в *пределах фракций*. Следовательно, имеются две дисциплины: большевистская и меньшевистская. И каждая из них совсем не хочет повиноваться постановлениям *партии*, когда дело идет о поражении противной фракции.

...У нас... есть социал-демократы, сознательно работающие над разрушением (“ликвидацией”) их собственной партии. Это неслыханно! Вы прекрасно понимаете, что можно не одобрять подобного поведения. И поэтому я разошелся с нашими теперешними бунтовщиками (этими “ликвидаторами”)”²².

Плеханов и Каутский были солидарны и в оценке характера будущей русской революции. Экономическая отсталость России, по их мнению, не позволяла соединить в революции экономический и социальный (т.е. социалистический) моменты. Завоевание политической свободы становилось условием, которое должно подготовить свершение социалистической революции в ближайшем или отдаленном будущем. Для Плеханова устранение капиталистического способа производства не являлось “историческим” для России вопросом: нельзя свергать неразвитый капитализм, поскольку это приведет к анархической смуте.

По убеждению Плеханова и Каутского, человек не может вершить историю по своему усмотрению. Сила влияния людей на ход политических событий пропорциональна ясности понимания ими сущности сложившихся производственных отношений. Экономический фактор — база социального и политического прогресса. Именно экономическое бытие определяет характер власти в стране. Без гражданского мира и демократии невозможен социально-экономический прогресс России.

Начало Первой мировой войны ознаменовало крах идей ортодоксального марксизма. Не выдержали проверки временем надежды на скорый кризис капитализма, перерастание военной

опасности в революционную ситуацию, интернациональное выступление пролетариата против буржуазии своих стран. Неверной оказалась вся логическая схема развития мира и Европы, как она мыслилась и обосновывалась марксистскими лидерами западноевропейской социал-демократии. Не оправдались и надежды Плеханова на пролетарскую революцию в Европе. Действительность опровергла то понимание экономической, исторической, политической эволюции, которое было закреплено в ортодоксальном марксистском мышлении. История подтвердила многомерность и альтернативность своего движения.

Представители марксистской ортодоксии, в том числе Каутский и Плеханов, остались верны идеалам пролетарского социализма, следуя логике — завоевание политической и социальной демократии есть условие осуществления социализма силами пролетариата индустриально развитых стран. Исчезло реальное поле приложения этой идеи, принципиально изменились мир, пролетариат, демократия. Ортодоксальные установки ушли из социал-демократической теории, была практически позабыта политическая программа марксизма. Но осталась идея универсального преобразования мира и человека средствами политической трансформации. Свой вклад в её развитие и осуществление внесли ортодоксы — марксистские лидеры германской и российской социал-демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. В 3-х томах. М., 1973. Т.1. С.30.
2. *Лифшиц М.А.* Собр. соч.: В 3-х томах. М., 1988. Т.III. С.107-187.
3. Там же. С. 184.
4. Энгельс — Вере Ивановне Засулич. 23 апреля 1885 г. // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.36. С.260.
5. Там же. С.260.
6. *Плеханов Г.В.* Открытое письмо к Либкнехту // *Переписка Г.В. Плеханова и П. Б. Аксельрода.* Т.1-2. М., 1925. Т.1. С.236-237.
7. *Плеханов Г.В.* Мы и они. СПб., 1907. С.9.
8. Письма Плеханова к Либкнехту // *Воинствующий материалист: Сборники /О-во воинствующих материалистов.* М., 1925. Кн. 4. С.208.
9. *Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода.* Т.1. С.189.
10. Там же. С.194.
11. Там же. С.208.
12. Плеханов — Карлу Каутскому. 20 мая 1898 г. // *Литературное наследие Г.В. Плеханова.* Сборник V. М., 1938. С.261.
13. К. Каутский — Г.В. Плеханову, 22 мая 1898 г. // Там же. С.264.
14. Плеханов — Карлу Каутскому, 22 июля 1898 г. // Там же. С.267.

15. Плеханов — Карлу Каутскому, 16 сентября 1898 г. // Там же. С. 268.
16. Плеханов — Карлу Каутскому, 15 января 1899 г. // Там же. С. 283, 284.
17. Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т.2. С.60.
18. Группа "Освобождение труда". М.—Л., 1928. Сборник № 6. С.270.
19. Там же. С.282-283.
20. Г.В. Плеханов — П.Б. Аксельроду, 29 января 1908 г. // Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т.2. С.250.
21. Плеханов Г.В. Соч. Т.ХIII. С.378.
22. Плеханов — К. Каутскому, 21 марта 1911 г. // Группа "Освобождения труда". Сборник № 6. С.283-284.